

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ КУЛЬТУРНОЙ АВТАРКИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

Ходыкин Александр Владимирович

Фонд социальных исследований, Самара, Россия

khodykin8@gmail.com

Аннотация. Сила символической власти нарратива культурной автаркии в российском общественном мнении исследована на теоретическом языке Йельской школы культурсоциологии. Влияние данного нарратива проанализировано на материалах социологических исследований отношения россиян к принятию ряда вызвавших острые дискуссии законов и политических решений. Сделан вывод о том, что символическая власть официального нарратива, с одной стороны, довольно обширна (большинство россиян поддерживают большинство решений), с другой стороны, имеет довольно шаткое положение (при ослаблении информационного давления государственных СМИ общественная поддержка решений снижается).

Ключевые слова: культурсоциология; Йельская школа; символическая власть; культурная автаркия; социологические опросы; общественное мнение; российское общество

THE SYMBOLIC POWER OF CULTURAL AUTARCHY IN RUSSIAN PUBLIC OPINION

Alexander V. Khodykin

Social Research Institute, Samara, Russia

khodykin8@gmail.com

Abstract. The influence of the symbolic power of the narrative of cultural autarky in Russian public opinion is studied in the theoretical language of the Yale School of Cultural Sociology. The influence of this narrative is analyzed on the materials of sociological studies of the attitude of Russians to the adoption of a number of laws and political decisions that caused sharp discussions. It is concluded that the symbolic power of the official narrative, on the one hand, is quite extensive (the majority of Russians support most decisions), on the other hand, has a rather precarious position (with the weakening of the information pressure of the Russian state media, public support for decisions decreases).

Keywords: cultural sociology; Yale School; symbolic power; cultural autarky; sociological polls; public opinion; Russian society

Борьба политических нарративов за символическую власть кодировать социальные явления и политические решения в системе базовых этических различений (добра и зла, добродетели и порока и т. д.) получила плодотворное социологическое описание в культурсоциологии Джеф-

фри Александера и его коллег из Йельской школы [1]. Опираясь на Н. Смелзера [2; 3], Александер приводит иерархию трех уровней, на которых можно рассматривать социальные факты: 1) уровень целей; 2) уровень норм и 3) уровень ценностей. В обыденном режиме политика осуществляется на нижнем уровне целей. «Политика, выходящая за пределы обыденного, начинается, когда между уровнями ощущается напряжение либо из-за изменений в природе политической активности, либо из-за перемен в общих обязательствах более сакрального характера, которые, как считается, регулируют данные уровни. В такой ситуации возникает напряжение между целями и более высокими уровнями» [4, с. 78–79]. Коллективные представления о социальных явлениях и их отражение в культурных кодах становятся результатами борьбы конкурирующих нарративов за символическую власть формировать ценности и предписывать социально одобряемые нормы поведения [5]. Культурная власть формирует положенные в основу социальной солидарности моральные нормы, кодируя события в системе базовых этических различий [6]. Результаты борьбы нарративов за нее определяют перспективы, направления и динамику социальных изменений [7].

Российскими властями активно используется нарратив культурной автаркии, продвигающий идею культурной автономии России, уникальности ее исторического развития и миссии (идея «особого пути»), необходимости защиты российских традиционных ценностей от «деструктивного» внешнего влияния [8]. Тем самым официальный нарратив переводит политические решения на уровень ценностей и кодирует создаваемые контрнарративами описания альтернативных путей культурного развития России как осквернение сакрального, вмешательство чуждых (главным образом западных) ценностей в аксиологический суверенитет РФ. Проанализируем силу символической власти нарратива культурной автаркии на материалах социологических опросов, репрезентирующих все взрослое население России.

Идея защиты российских традиционных ценностей от осквернения чуждым западным влиянием стала лейтмотивом освещения государственными СМИ кампании 2013 года по запрету «пропаганды ЛГБТ». Плюрализм сексуальных и гендерных отношений противопоставлялся традиционным российским ценностям и кодировался в официальной риторике как угроза российской культуре. Сакрализация традиционных ценностей в сочетании с доминирующей на постсоветском пространстве нетерпимостью к ЛГБТ мобилизовала общественное мнение на поддержку законодательного вытеснения сексуальных меньшинств из российского информационного поля. В результате закон «о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» на момент своего принятия (и через 2 года после него) получил высокий уровень поддержки: его

одобрили 67% респондентов в 2013 и 77% в 2015 году [9]. Однако примечательно, что, как только продвижение государственным СМИ негативного образа таких отношений пошло на спад, т. е. ослабилось мобилизующее влияние официального нарратива, отношение к представителям сексуальных меньшинств улучшилось. В 2019 году россияне чаще соглашались с тем, что представители сексуальных меньшинств должны иметь такие же права, как и другие граждане (47%), и несколько реже были против этого (43%), тогда как на пике информационной кампании в поддержку упомянутого закона это соотношение было 39% к 47% [10]. Наиболее сильным дифференцирующим фактором стал возраст: чем старше респонденты, тем хуже они относятся к ЛГБТ.

Похожее изменение общественного мнения произошло относительно закона «об иностранных агентах», предполагающего защиту от осквернения российского информационного поля чуждой информацией и объединяющую силу демаркации «своих» от «чужих» при помощи специальной маркировки «иностранцев». Ее семантика отсылает к сформированным в советское время негативным культурным кодам холодной войны (агент вражеской разведки, агент иностранных спецслужб и т. п.) и рассчитана на формирование негативного образа носителя данной маркировки в массовом сознании. По опросным данным, официальному нарративу удастся сформировать такие образы: словосочетание «иностранец-агент» у россиян ассоциируется с неприятным отношением (15%), с понятиями «шпион», «лазутчик» (14%), «предатель Родины» (7%) и «враг народа» (6%), т. е. со всей палитрой маркирования врага в дискурсе советской пропаганды [11]. На пике информационной поддержки закона «Об иностранных агентах» в период его принятия большинство одобряло данный закон, однако в 2021 году люди чаще стали говорить, что основная его цель – в оказании давления на независимые общественные организации (40% против 37% считающих, что закон призван оградить Россию от негативного западного влияния) [12]. Только самые старшие респонденты чаще указывают на защиту от западного влияния как цель принятия закона (45%). Директор Левада-центра Денис Волков связывает такие изменения в общественном мнении также с усилением влияния Интернета при ослаблении роли государственных телеканалов в получении людьми информации [13].

Резонансные законы о «неуважении к власти» и о «фейк-ньюз» получили разный уровень одобрения россиян. Если закон о «фейк-ньюз» большинство респондентов поддержали (55%), то закон о «неуважении к власти» одобрили только 39% опрошенных, тогда как 53% высказались против него [14]. Различия здесь объяснимы семантикой формулировки: «штрафы за распространение недостоверных новостей в интернете и СМИ» люди готовы поддержать, поскольку сталкиваться с ложной ин-

формацией никому не хочется (о том, кто будет определять информацию как ложную и какую информацию будут считать ложной, большинство респондентов не думают – об этом говорит тот факт, что лишь 18% опрошенных хорошо информированы об этих законах), тогда как «наказание за неуважительное отношение к власти» встречает куда больше сопротивления. В первом случае название закона маскирует его последствия, тогда как во втором – прямо говорит о них. Иными словами, прямую попытку сакрализации власти и наделения ее создающей социальную солидарность силой можно считать неудачной: обретенное в годы демократизации страны право критиковать решения чиновников обладает не меньшей символической властью.

Наиболее острую борьбу нарративов вызвало принятие «закона Димы Яковлева», запрещающего гражданам США усыновление российских детей. Ценность детей как самого дорогого, что у нас есть, использовали обе стороны дискуссии. С одной стороны, апологеты закона конструировали нарратив угрозы детям со стороны граждан США и утверждали, что запрет на усыновление поможет их защитить. Они использовали резонансный случай смерти по вине приемных родителей из США российского ребенка Димы Яковлева (в честь которого закон получил неофициальное название) для конструирования образа американской приемной семьи как угрожающей российским детям и возникшее у россиян желание наказать США за то, что такой случай был допущен. Негативное отношение к США, уровень которого в 2012 году был уже высок, тоже использовалось сторонниками закона. С другой стороны, против него играло укорененное в массовом сознании представление о российских детских домах как месте концентрации социального неблагополучия. Поэтому противникам данного закона отчасти удалось перевести дискуссии о нем в плоскость выбора «меньшего из зол»: российский детский дом или американская приемная семья. В результате монополия официально-го нарратива была разрушена. Общественное мнение разделилось: респонденты чаще поддерживали этот закон (50%) и реже были против него (31%), однако различия в объеме этих долей не так велики [15]. Ответы на другие вопросы того исследования 2013 года позволяют сделать вывод, что респонденты в большей степени руководствовались благополучием детей, а не геополитикой или стремлением наказать США или защититься от их культурного влияния. Так, запрет на усыновление российских детей американскими гражданами к числу первоочередных задач государственной политики в отношении сирот отнесли только 10% опрошенных. Чаще всего россияне полагали, что усыновление российских сирот гражданами США и стран Западной Европы нужно «разрешать, но систематически контролировать положение детей в новых семьях за рубежом» (39%). Столь же часто (40%) россияне соглашались с та-

ким утверждением относительно этого закона: «попытки объяснить его принятие интересами российских детей – это демагогия и циничная манипуляция общественным мнением». «Акт Магнитского», ответом на который стал «закон Димы Яковлева», в общественном мнении не был воспринят «законом против России»: 37% опрошенных сочли его направленным против «российских коррупционеров, обирающих страну и “отмывающих” награбленное в США», тогда как мерой «против России и российского народа в целом» его сочли лишь 9% участников опроса. Только 37% респондентов посчитали «закон Димы Яковлева» адекватным ответом на американский «Акт Магнитского» [15]. Примечательно, что при законодательном закреплении запрета гражданам США усыновлять российских детей в официальной риторике значительно реже использовались традиционные для нарратива культурной автаркии геополитические аргументы: по-видимому, не без оснований было принято решение, что культурная власть ценности благополучия детей сильнее, чем ценности защиты «наших» от «чужих».

Если говорить о влиянии конкретно западной культуры на Россию, то большинство опрошенных считают его отрицательным (59%), 44% сообщают о ее негативном влиянии на художественные вкусы россиян, 35% вменяет ей в вину забвение соотечественниками собственной культуры [16]. За последние 20 лет антизападные настроения в российском обществе усилились. Таким образом, символическая власть нарратива культурной автаркии в наибольшей степени проявляется в абстрактных и одновременно триггерных для данного нарратива темах.

В представленных опросах основными дифференцирующими факторами стали возраст, тип потребления медиа и уровень поддержки действующей власти. «Спорные» законы и решения руководителей государства поддерживают пожилые люди, узнающие информацию из государственного телевидения и поддерживающие деятельность Владимира Путина. Против таких решений и законов чаще выступает молодежь, узнающие новости из интернет-ресурсов респонденты и реже поддерживающие деятельность президента россияне. Практики потребления информации со временем изменяются, усиливается влияние социальных медиа, предлагающих потребителям альтернативные официальному нарративы. Молодые люди, в большей степени способные к поиску альтернативной информации в Интернете, в меньшей степени подвержены монополистическому влиянию официального нарратива, позиции которого, однако, по-прежнему довольно сильны во всех группах.

Исключением из общего тренда представляется дискуссия вокруг принятия закона «о домашнем насилии». Противники законопроекта активно используют в дискуссиях радикально консервативный дискурс и символические ресурсы нарратива культурной автаркии, относя инициа-

тиву к «чуждым западным влияниям» и «атакам на российские семейные ценности» [17]. Однако широко распространить негативное восприятие законопроекта им не удалось: 70% россиян считают нужным принятие закона «о домашнем насилии» [18]. По-видимому, присутствие альтернативной точки зрения даже в крупных федеральных СМИ не позволило консервативной позиции монополизировать интерпретацию ситуации вокруг законопроекта.

За счет доминирования в российском медиапространстве нарратив культурной автаркии приобрел внушительную символическую власть в массовом сознании россиян. Однако его устойчивость не столь велика: как только соответствующие информационные кампании заканчиваются и снижается информационное давление на российское общественное мнение, поддержка продвигаемых официальным нарративом идей значительно ослабевает, что свидетельствует скорее о согласии россиян с транслируемыми в государственных СМИ позициями, чем об их интеграции в систему ценностей большинства населения. Наибольшую поддержку приобретают те решения, поддержка которых достигла наибольшего доминирования в российском медиапространстве.

Список литературы

1. Звоновский В. Б., Ходькин А. В. Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 38–53. DOI: 10.31857/S013216250021524-9.
2. Smelser N. Social change in the industrial revolution. Chicago: University of Chicago Press, 1959.
3. Smelser N. Theory of collective behavior. New York: Free Press, 1963.
4. Александр Дж. «Уотергейт» как демократический ритуал // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, №3. С. 77–104.
5. Smith Ph. The Semiotic Foundations of Media Narratives: Saddam and Nasser in the American Mass Media // Journal of Narrative and Life History. 1994. Vol. 4. P. 89–118.
6. Александр Дж. Мораль как культурная система: о солидарности гражданской и негражданской // Социальная солидарность и альтруизм: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН; отв. ред. Д. В. Ефременко. М., 2014. С. 101–108.
7. Alexander J. Performative revolution in Egypt: An essay in cultural power. N.Y.: Bloomsbury academic, 2011. XV, 138 p.
8. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061> (дата обращения: 02.03.2023).

9. «Невидимое меньшинство»: к проблеме гомофобии в России // Левада-Центр. Пресс-выпуск от 05.05.2015. URL: <https://clck.ru/33cuN6> (дата обращения: 02.03.2023).

10. Отношение к ЛГБТ-людям // Левада-Центр. Пресс-выпуск от 23.05.2019. URL: <https://clck.ru/33cuNx> (дата обращения: 02.03.2023).

11. Россияне об иноагентах // Аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://clck.ru/33cuPk> (дата обращения: 02.03.2023).

12. Закон об иностранных агентах // Левада-Центр. Пресс-выпуск от 02.08.2021. URL: <https://clck.ru/33cuQP> (дата обращения: 02.03.2023).

13. Почему россияне равнодушны к происходящим сегодня репрессиям? Отвечают социолог, политолог, историк и психолог // Левада-Центр. Пресс-выпуск от 01.11.2021. URL: <https://clck.ru/YZMai> (дата обращения: 02.03.2023).

14. Законы о «неуважении к власти» и «фейкньюс» // Левада-Центр. Пресс-выпуск от 08.04.2019. URL: <https://clck.ru/33cuRh> (дата обращения: 02.03.2023).

15. Т. Ворожейкина: Отношение россиян к принятому «закону Димы Яковлева» // Левада-Центр. Пресс-выпуск от 30.01.2013. URL: <https://clck.ru/33dFvP> (дата обращения: 02.03.2023).

16. Влияние Запада и российская культура // Аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://clck.ru/32sWL4> (дата обращения: 02.03.2023).

17. Муравьева М. Г. «Я и моя семья категорически против этого закона»: гендерное гражданство и домашнее насилие в современной России // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13, № 3. С. 44–64. DOI: 10.19181/inter.2021.13.3.2.

18. Худой мир – или добрая ссора? // Аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://clck.ru/33cuTG> (дата обращения: 02.03.2023).